
ИСТОРИЯ РОССИИ

1900-1945 гг.

Книга для учителя

11 класс

Под редакцией А. А. Данилова, А. В. Филиппова

МОСКВА «Просвещение» 2008

УДК 372.8:94(470)
ББК 74.266.31
И90

Материалы подготовлены в рамках проекта «Разработка структурных компонентов информационно-образовательной среды учебных предметов «История» и «Обществознание» на второй и третьей ступени общего образования», реализуемого в 2008 году ОАО «Издательство «Просвещение» по заказу Министерства образования и науки Российской Федерации и Федерального агентства по образованию.

А в т о р ы:

А.А. Данилов, А.С. Барсенков, М.М. Горинов, Л.Г. Косулина, М.Ю. Моруков, С.А. Павлюченков, И.С. Семениченко, В.Д. Соловей, А.И. Уткин, А.Ю. Шадрин

История России, 1900—1945 гг. Книга для учителя.
И90 11 класс / [А.А. Данилов, А.С. Барсенков, М.М. Горинов и др.] ; под ред. А.А. Данилова, А.В. Филиппова. — М. : Просвещение, 2008. — 447 с. — ISBN 978-5-09-019113-5.

Книга знакомит учителей истории с современными подходами к освещению важнейших вопросов и трактовки основополагающих сюжетов истории России 1900—1945 гг. Авторы руководствовались новыми методическими подходами к изучению курса. История России позиционирована как часть мировой истории. Книга выходит в авторской редакции.

Продолжением данного издания является книга для учителя «История России. 1945—2008 гг.» под редакцией А.В. Филиппова.

УДК 372.8:94(470)
ББК 74.266.31

ISBN 978-5-09-019113-5

© Издательство «Просвещение», 2008
© Художественное оформление.
Издательство «Просвещение», 2008
Все права защищены

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ.

О концептуальных основах изучения истории России 1900—1945 гг. (А.А. Данилов)

ГЛАВА 1. Между реформой и революцией. Россия в 1894—1914 гг.

1. Россия в мировой экономике и политике начала XX в. (А.А. Данилов, Л.Г. Косулина)
2. Революция 1905—1907 гг. (А.А. Данилов, Л.Г. Косулина)
3. Столыпинские реформы: замыслы и результаты (А.А. Данилов, Л.Г. Косулина)
- 4—5. Российское общество на рубеже веков (1890-е—1910-е гг.) Серебряный век русской культуры (И.С. Семенов)
6. Россия в Первой мировой войне (А.А. Данилов, Л.Г. Косулина, А.И. Уткин)

ГЛАВА 2. Россия в вихре революции и Гражданской войны. 1917—1920 гг.

7. Свержение монархии. Двоевластие (февраль—июль 1917 г.) (А.Ю. Шадрин)
8. Революция перед выбором: демократия или диктатура (июль—октябрь 1917 г.) (А.Ю. Шадрин)
9. Октябрь 1917 г. (В.Д. Соловей)
10. Гражданская война (А.А. Данилов, Л.Г. Косулина, С.А. Павлюченков)

ГЛАВА 3. Политическая борьба и поиски модели развития. 1921—1929 гг.

11. Новая экономическая политика (С.А. Павлюченков)
12. Политическое развитие в 1920-х гг. (С.А. Павлюченков)

13. Международное положение и внешняя политика в 1920-х гг. (С.А. Павлюченков)
- 14—15. Духовная и повседневная жизнь в после-революционные годы (И.С. Семенов)

ГЛАВА 4. Индустриальная модернизация СССР. 1929—1939 гг.

16. Формирование мобилизационной политической системы (А.С. Барсенков)
17. Коллективизация сельского хозяйства и форсированная индустриализация страны (С.А. Павлюченков)
- 18—19. «Культурная революция». Человек и коллектив, культура и власть в предвоенное десятилетие (И.С. Семенов)
20. Внешние вызовы и изменения международной политики СССР. (М.М. Горинов)

ГЛАВА 5. Великая Отечественная война. 1941—1945 гг.

21. На пороге войны (М.Ю. Морозов, М.М. Горинов)
22. На фронтах Великой Отечественной (М.Ю. Морозов, М.М. Горинов)
23. Советский тыл в годы войны (М.Ю. Морозов, М.М. Горинов)
24. Оккупационный режим и всенародная борьба советских людей в тылу врага (М.Ю. Морозов, М.М. Горинов)
25. Человек на войне. Культура в годы Великой Отечественной войны (И.С. Семенов)
26. Внешняя политика СССР в годы войны (М.М. Горинов)

Введение

О концептуальных основах изучения истории России 1900—1945 гг.

Основой данного издания являются новейшие разработки российских историков, актуализирующие оценки нашей истории с точки зрения задач защиты и укрепления государственного суверенитета, воспитания гражданина — патриота России.

С этой целью особое внимание уделяется определению сущности национальных интересов России с учетом не только внутренних процессов, проходивших в стране, но и международных вызовов на протяжении всего рассматриваемого периода.

Авторы отказываются от концепции тоталитаризма как объясняющей события в СССР 1930-х и последующих годов. Вместо этого основное внимание учащихся предполагается сконцентрировать на объяснении мотивов и логики действий власти. Этот принцип положен и в основу анализа событий до 1917 г.

Авторы стремились показать не только достигнутый страной уровень развития на том или ином историческом этапе, но и динамику экономических, социальных, политических процессов.

Особое место в данной книге для учителя занимают вопросы причин, масштаба и последствий массовых репрессий в СССР. Авторами предлагается периодизация этого явления, а также оценка данного феномена с точки зрения представлений современной исторической науки.

Значительный учебный материал представлен по истории повседневности, развитию отечественной культуры.

Разделы, посвященные внешней политике Российского государства, позволяют проследить изменения представлений верховной власти о ее целях и задачах на различных этапах развития нашей страны в 1900—1945 гг., выделить общее и особенное в формулировании и отстаивании этих целей в разные периоды. Важным представляется объяснение логики и направленности изменений внешнеполитического курса накануне и на начальном этапе Второй мировой войны.

Аргументированный анализ фактов представлен в разделах, объясняющих предпосылки и характер революций 1905—1907 и 1917 гг., Гражданской войны, причин введения и свертывания нэпа, осуществления индустриализации и сплошной коллективизации, национальных движений в стране и др.

Одним из главных является вопрос **логики изложения** отечественной истории XX в. Порой звучат предложения начать его с событий 1917 г. Авторы уверены, что такой подход неверен. Мы предлагаем начинать изучение новейшей истории России, как и прежде, с рубежа XIX—XX вв.

В основу изложения истории периода 1900—1945 гг. следует положить **принципы и методологические подходы**, на которых основаны книга для учителя и учебник «История России. 1945—2008 гг.».

В связи с реализацией данного подхода необходимо обозначить ряд принципиальных моментов, которые представляются важными авторам настоящей книги для учителя.

Одной из главнейших целей нашего пособия должно стать устранение во многом искусственного разделения истории России на периоды до и после революции 1917 г. Непрерывность и преемственность исторического пути нашей страны на протяжении практически всего XX в. представляются авторам пособия несомненным и весьма важным фактом. От понимания этого зависит и понимание причин важнейших исторических событий данного периода.

Первым и главным в разделе по истории России начала XX в. является вопрос об **уровне развития страны** в это время. Следует пересмотреть традиционный тезис об отставании России от ряда ведущих стран, ибо это отставание всегда было весьма относительным и касалось не всего спектра общественных отношений. Россия неизменно отставала в том, что не являлось ее цивилизационной составляющей и было заимствовано извне. Отставание России обычно усматривали прежде всего в несоответствии российских общественных отношений западноевропейскому укладу, а причину этого искали в отставании экономической базы, часто надуманно, не замечая того, что Россия намного превосходила те же европейские страны по некоторым важнейшим экономическим показателям (металлургия в XVIII в., тяжелая промышленность в XX в.).

Сам термин **модернизация** в настоящее время является приемлемым в силу своей нейтральности и универсальности, поскольку он не включает в себя характеристику

цивилизационных особенностей обществ, а просто говорит о необходимости совершенствования их материальной базы. Каким путем — уже дело другое. Главное, что сейчас на нем могут сойтись, обрести общую платформу разные идейные направления: западники, почвенники и др.

Думается, что целесообразно было бы несколько сместить акцент, показав Россию страной, входящей в пятерку развитых мировых держав, а по **темпам** своего развития нередко и опережающей страны этой пятерки.

Именно эти высокие темпы российской модернизации вызывали в начале XX столетия, с одной стороны, социальную напряженность внутри страны, а с другой — опасения основных соперников России на мировой арене, главным образом Великобритании. Важно отметить в этой связи, что социальная напряженность в условиях трансформации аграрного общества в индустриальное — явление универсальное. Однако в России оно было отягощено тем, что эта социальная напряженность являлась реакцией на масштабную и весьма болезненную для российского общества европеизацию, начавшуюся на волне Великих реформ 1860—1870-х гг. Еще одной причиной радикализации общественных настроений и движений стало проникновение в среду интеллигенции (как правило, провинциальной, нередко не нашедшей себе места в новой системе общественных отношений) европейских идей, в том числе и тех, которые не получили особого распространения в самой Западной Европе. Все это привело к тому, что в российском революционном движении порой причудливо соединялись антизападничество и крайние формы западничества (марксизм и левый, радикальный либерализм). В итоге **борьба западничества и антизападничества стала одним из факторов общественного развития страны в начале XX в.**

Следует подчеркнуть также, что **формирование индустриального общества в России заметно опережало формирование гражданского общества.** Одной из причин этого являлось то, что страна развивалась в условиях сохранения немало числа пережитков старых укладов, консервации отживших социальных отношений. Ответственность за это лежит во многом на государственной власти. Формирование гражданского общества тормозило отсутствие нового истеблишмента, служилого класса. Русская буржуазия таковым не являлась.

Особое внимание следует обратить на **демографический фактор**: резкий рост населения России в конце XIX — начале XX в., во многом определявший последующие события в нашей истории. Вступление в активную жизнь десятков миллионов людей, слабо связанных корнями с де-

ревней, патриархальной семьей, традициями и обычаями, во многом становилось деструктивным фактором развития России. Конечно, избыток сельского населения являлся необходимой предпосылкой к индустриализации. Так было и в Западной Европе, и в России, и в Японии, и в Китае. Дешевый «человеческий материал» в условиях жесткой конкуренции с более развитыми странами становился важным фактором индустриального развития.

Следует также заострить внимание на том, о чем редко упоминается в учебной литературе в течение последних 20 лет, а именно на **обострении конкуренции мировых держав**, вытекающей из их стремления не только вырваться вперед (Россия, Германия, Япония и др.), но и сохранить свои позиции (Великобритания, Франция и др.). Основными в начале XX в. стали англо-германские и англо-русские противоречия. При этом Россия во внешней политике порой либо не имела, либо не могла четко определить своего ярко выраженного интереса и вынуждена была лавировать, искать свое место в быстро меняющейся расстановке сил. В конце концов влияние англо-французского капитала на внешнюю политику России оказалось сильнее других факторов. Причем поддержка иностранным капиталом романовской монархии не носила прогрессивного характера, а, напротив, консервировала архаичные социальные отношения в России. Равноправным союзником в разгоравшемся мировом пожаре Россию не считали ни Франция, ни тем более Англия. В итоге все закончилось Первой мировой войной, в которой интересы России были несопоставимы с интересами других ее участников, но Россия, как водится, пострадала больше всех.

8 Говоря о России начала XX в., следует выделить две основные **группы противоречий**, которые определяли не только смысл общественных движений и настроений, но и характер политического курса.

Первая группа включала в себя противоречия, веками существовавшие в российской истории: между властью и обществом, между центром и окраинами, между русскими и «инородцами», между недостаточно развитым российским городом и массивом крестьянской России и др.

Вторая группа противоречий возникла на волне начавшейся индустриальной модернизации и была связана с сохранением в стране пережитков традиционного общества. Главными из них были самодержавная царская власть, помещичье землевладение, сословный строй, отсутствие политических прав у буржуазии (которая должна была стать лидером индустриальной модернизации страны), необходимость обеспечения прав представителям раз-

ных народов и конфессий и т. п. При этом развитие буржуазного уклада не снимало старых противоречий, но дополняло их новыми.

В связи с этим главным направлением внутренней политики объективно становилось **реформирование страны**, всех основных сторон ее жизни. Однако это было невозможно без инициативы и поддержки реформаторского курса «сверху». При изучении курса школьникам следует показать, что для императора Николая II не было сомнений в том, следует ли проводить реформы. Он осознал их необходимость.

Но в не меньшей степени он понимал значение постепенности этих преобразований при сохранении основ существующего политического порядка. Император был убежден в том, что отказ от абсолютной монархии, ослабление вертикали власти приведут Россию к катастрофе. Поэтому царь отвергал все те проекты реформ (например, Н.Х. Бунге, И.А. Вышнеградцева), которые предполагали хоть в какой-то перспективе изменение этого порядка. Наоборот, он поддерживал такие проекты (С.Ю. Витте), которые этого не предполагали или не акцентировали на этом внимания.

Важно также отметить, что верховная власть постепенно утрачивала свой авторитет в «низах» общества. Начался этот процесс после реформы 1861 г. и стал во многом необратимым после 9 января 1905 г. Между тем наличие у власти авторитета являлось важнейшим условием для успеха преобразований в России. Теперь это условие было утрачено.

Правящие круги России недостаточно учитывали фактор перехода международных отношений в фазу глобального противостояния ведущих держав. Это нередко вело к неверным выводам при планировании **внешней политики России**. Николай II с целью избежать столкновения с европейскими державами перенес центр тяжести этой политики на Восток. Однако итогом этого стало не только обострение англо-российских отношений, но и война с Японией. Эта война, в частности, показала резко возросшую роль военной и стратегической разведки. Она же стала первым сигналом к тому, что Генштаб России оперировал в планировании и проведении боевых операций категориями середины XIX в., без учета той специфики, которая проявилась в войнах начала XX в. В итоге, несмотря на мужество, стойкость, героизм личного состава, наличие новой техники, армия и флот терпели поражение. После войны реальностью стала угроза постепенной утраты Россией не только позиций, но и территорий на Дальнем Востоке.

Война с Японией показала также, что Россия оказалась в изоляции среди европейских стран. Это вновь поставило перед руководством страны вопрос о **выборе стратегических союзников** в неминуемой общеевропейской войне. Имевшийся к тому времени договор с Францией отвечал в большей степени интересам Франции, чем России. А подключение к нему Англии в 1907 г. со всей очевидностью показывало, что в грядущей войне России суждено было играть роль отнюдь не равноправного союзника, а пособника этих стран. Война против Германии, являвшейся форвардом европейского экономического прогресса, неизбежно должна была вызвать в России бурные социальные и политические перемены. Важно в этой связи показать значение Бьёркского договора и причины, по которым он оказался нереализованным. Необходимо также отметить и тот факт, что, в отличие от США, имеющих естественный океанский барьер от европейских противоречий и влияний, Россия была перед ними беззащитна. В этом смысле советский изоляционизм был явлением глубоко закономерным и до поры полезным. Думается, что для всей истории России характерно то, что в интересах внутренних перемен периодически возникала актуальность политики изоляционизма.

Размышляя о российском революционном процессе начала XX в., следует показать небывалый **размах крестьянского движения, начавшегося с 1902 г.**, его причины и последствия, заставляющие сегодня ряд историков называть это время периодом новой *крестьянской войны*, продолжавшейся вплоть до 1920-х гг.

10 Политические реформы 1905—1906 гг., их характер и последствия для страны занимают в пособии одно из центральных мест. Особое внимание следует обратить на *реформу правительства*. Правильно было бы также признать «Основные законы Российской империи» 1906 г. *первой российской конституцией*.

Говоря о легальной **российской многопартийности**, необходимо показать место и роль *политического радикализма*, его истоки, причины востребованности в обществе, его влияние на власть.

Также важно сделать акцент на феномене **политического террора** в России, предпосылках его зарождения и последствиях для нашей страны. При этом следовало бы с учетом особенностей нынешней внутривластной и международной ситуации развенчать популярный в недавнем прошлом тезис о России как родине политического террора.

При анализе **реформ П.А. Столыпина** следует обратить внимание на их комплексный характер, основные цели и

задачи, потенциальные последствия для России. Вместе с тем, говоря о том, что они дали стране и чего не дали, важно подчеркнуть их противоречивость. В связи с этим необходимо остановиться на *последствиях разрушения общины*, вызвавшего стремительное расслоение крестьянства, усиление отходничества в города, начавшуюся урбанизацию, неустроенность жизни новых горожан, отсутствие рабочих мест для все новых и новых представителей провинциальной интеллигенции, из рядов которой рекрутировались будущие активные участники революционных процессов. Сужение социальной базы политического режима в итоге стало и одним из последствий реформ Столыпина, и одной из предпосылок революции 1917 г.

В разделе, посвященном *культуре и повседневной жизни*, речь пойдет о *возросшей роли науки и техники в развитии России*. Это был период первой волны научно-технического прогресса. Революция в естествознании, начавшаяся на рубеже XIX—XX вв., была связана с развитием транспортных коммуникаций и систем связи, быстро делавших любое научное открытие доступным для всех. Другой ее особенностью был междисциплинарный характер научных открытий. Это вело не только к переосмыслению ранее достигнутых научных достижений, но и к появлению новых областей знания — физической химии, биохимии, электрохимии, генетики и др. Важным было и усиление практической направленности научных разработок. Воплощение теоретических взглядов и открытий в создание новых видов техники привело к быстрому насыщению повседневной жизни людей в разных странах, в том числе и в России, новыми атрибутами — автомобилями, самолетами, дизельными локомотивами, телефонами, радиоприемниками, фонографами, трамваями, метро и т. п.

Раздел о *Первой мировой войне* и роли России в ней целесообразно начинать с характеристики военно-политических блоков и их целей в войне. Уже из этого будет видна та роль, которая отводилась России ее союзниками по Антанте. Однако центральное место в этой теме следует отвести характеристике Первой мировой войны как *войны принципиально нового характера*, коренным образом отличавшейся от всех предыдущих военных конфликтов. Это была не только и не столько война вооруженных сил, сколько длительное и всестороннее состязание национальных систем, вовлеченных в войну. Первая мировая война стала в итоге проверкой на жизнеспособность различных общественных укладов.

Руководство российского военного ведомства недостаточно учитывало преимущества таких новых видов техни-

ки, как станковые пулеметы (ставшие поистине оружием массового уничтожения противника), колючая проволока, бронированные машины и танки, авиация и сверхмощные военные корабли с артиллерийскими системами, химическое оружие, подводные лодки.

Неготовность России к войне проявилась не столько в отсутствии средств вооружений, сколько в традиционном военном планировании, отсутствии новых идей, связанных главным образом с использованием новых систем вооружений. Имея технические возможности для выпуска тех же танков или пулеметов, Россия лишь к 1917 г. стала осваивать их выпуск, позднее других воюющих стран оценив их боевые возможности. Не последнюю роль в поражениях русской армии играло отсутствие единого центра управления страной (военное командование и гражданская администрация практически не согласовывали свои действия). Эта ошибка была учтена впоследствии в годы Гражданской и Великой Отечественной войн. В числе недооцененных угроз следует назвать и действия иностранных разведслужб по развалу армий противника (в первую очередь русской).

В связи с этим следует обозначить проблему пресловутых «немецких денег». Важно подчеркнуть, что не только Германия, но и другие страны, в том числе союзники России по Антанте, боролись за влияние на революционную Россию (немцы пропустили через свою территорию В.И. Ленина, англичане посадили в концлагерь Л.Д. Троцкого, но предоставили Г.В. Плеханову эсминец, чтобы доставить его в Россию, и т. п.).

Важно отметить и конкретные примеры враждебного по отношению к России поведения ее союзников по Первой мировой войне. Самым ярким примером в этом ряду является Дарданелльская операция (закончившаяся неудачей высадка десанта в районе пролива Дарданеллы), начатая по инициативе британского морского министра У. Черчилля. Она имела своей целью любой ценой не пустить союзницу Англии Россию к Черноморским проливам, которые Англия и Франция в это самое время официально обещали передать после победы российскому императору.

Важно отдельным блоком выделить события 1914—1922 гг. как период **общенационального кризиса в России**. Здесь необходимо отметить, что первые две группы противоречий (см. с. 8) оказались в 1914—1917 гг. дополнены третьей группой противоречий, связанных с начавшейся войной. Именно они в конечном счете привели к *Великой российской революции*. При рассмотрении конкретных событий этой революции следовало бы больше

внимания уделить ее сравнению (в тех случаях, когда это очевидно) с событиями Великой французской революции конца XVIII в. Среди описываемых проблем в числе главных можно обозначить следующие:

одна или две революции имели место в 1917 г.;

следует ли считать события в феврале 1917 г. революцией, а в октябре переворотом, или наоборот;

какой характер носила революция 1917 г.;

когда и почему этот характер изменился;

какие альтернативы развития страны существовали после февраля 1917 г.;

в чем причина неудачи реформаторской альтернативы;

под влиянием каких процессов происходило усиление право- и леворадикальной альтернатив;

в чем причины победы большевиков в октябре 1917 г.?

Необходимо обратить внимание на хронологические рамки революции. Отменить ныне названия Февральская и Октябрьская никому уже не дано, но надо объяснить, почему сложилось такое категорическое разделение единого процесса в общественном сознании и историографии. Следует показать, что существуют различные датировки революции, в частности ее окончания (вплоть до 1991 г.), и пояснить, на чем они основаны.

В ходе изучения материала о **Гражданской войне** важно показать, что любая революция всегда чревата гражданской войной, ибо являясь одной из ее форм. Однако в одних случаях это удается предотвратить и свести к минимуму потери общества, а в других не удается в силу в том числе и ряда субъективных причин. *Главной причиной* развертывания широкомасштабной фронтовой Гражданской войны в России можно признать политику захвативших власть большевиков, а главной причиной их действий — особенности их идеологической и политической доктрины. В то же время нельзя допустить популярной ныне апологетики Белого движения, которое в ряде случаев выступало альтернативой профашистского толка, из которого вполне могла реализоваться националистическая модель развития, как это случилось позже в фашистской Италии и нацистской Германии.

Гражданская война, с одной стороны, привела к процессу распада, атомизации общества, но, с другой — послужила толчком к социальному творчеству, поиску путей обновления власти и общества.

Важно также отметить, что одной из главных идей революции 1917 г., как и всего последующего многолетнего периода, стала идея борьбы человека за освобождение, справедливость. Именно это стремление к справедливости во многом обеспечило победу большевиков в Гражданской

войне, а также стало стимулом к модернизационным процессам в 1930-е гг.

Россия не была в эти годы единственной революционной страной. Она оказалась в центре революционных и национально-освободительных процессов, охвативших, помимо нашей страны, также Китай, Индию, Турцию, Египет, Корею, Иран, Мексику, Италию, Австро-Венгрию, Германию и т. д. Однако, за исключением Германии и отчасти Турции, Советская Россия не оказала (как порой принято считать) прямого воздействия на революционные процессы в других странах.

Необходимо остановиться также на внешних факторах Гражданской войны в России и прежде всего на **проблеме интервенции**. Ослабление и распад Российской империи в ходе Первой мировой войны вполне соответствовали планам как воевавших с ней, так и союзных ей держав. Главной целью Англии, как уже говорилось, являлось именно ослабление Германии и России, что и было в итоге достигнуто. Цель Германии состояла в расширении жизненного пространства на Востоке, что не соответствовало интересам Англии, Франции, США. Поэтому заключение Брестского мира не только обеспокоило страны Антанты, но и заставило их непосредственно вмешаться в положение дел в России. Следует иметь в виду, что страны Антанты не собирались превращать Россию в колонию, отторгать от нее значительные территории и т. п. Их цель, по крайней мере на первом этапе, состояла в сведении к минимуму последствий Брестского мира, чтобы не допустить усиления Германии, а тем более создания германобольшевистского союза. Великобритания (игравшая основную роль в определении политики Антанты в отношении России) не планировала собственного военного похода на Москву или Петроград. Ее целью было свержение большевиков; установление в России подконтрольного правительства либералов, заявлявших о равнении на «западные демократические ценности» и готовых на утрату ряда территорий страны ради прихода к власти; обеспечение контроля над бакинскими нефтепромыслами и основными производственными мощностями страны. Проявляла беспокойство о своих инвестициях в Россию и Франция.

Важным является вопрос об истоках **поддержки населением враждовавших сторон в Гражданской войне**. Следует признать, что отношение основной массы населения страны к борьбе белых и красных не носило характера предпочтения и тем более следования их идеологическим и политическим установкам. Люди выбирали меньшее из двух неизбежных зол. Но при этом белые призывали к «порядку», который ассоциировался у населения с преж-

ней жизнью, в то время как красные ориентировали на социальные перемены и выдвигали лозунги, за которыми население вполне могло пойти. Переломным для перехода на сторону большевиков крестьянства страны стал 1919 год. Советская власть законодательно и на деле признала результаты аграрной революции в деревне. Гибкая и прагматичная политика большевиков в крестьянском вопросе способствовала их победе в Гражданской войне.

В этой связи можно вновь вернуться к вопросу о том, что события 1917—1922 гг. во многом были *крестьянской революцией*.

В оценке и освещении проблемы **массового террора** периода Гражданской войны следовало бы, видимо, показать как его объективную природу в данных исторических условиях, так и роль доктринального фактора в формировании большевистского террора как системы управления обществом. Можно напомнить, что уже через год после взятия власти и появления первых концлагерей до 96% заключенных в них лиц были рабочие, не выполнявшие норм выработки, и крестьяне, не сумевшие выполнить повинностей в пользу государства. Были и чиновники, которые иной раз даже ходили на службу из концлагерей.

Особое внимание необходимо уделить расстрелу царской семьи. Следует исходить при этом из факта недавней канонизации семьи Романовых Русской православной церковью. Упоминание в связи с расправой над Романовыми термина «казнь» вряд ли правомерно, если иметь в виду, что не было суда. Следует говорить об убийстве или просто о расстреле. При этом следует иметь в виду, что II Всероссийский съезд Советов принял в октябре 1917 г. решение об отмене смертной казни как высшей меры наказания. Целесообразно, видимо, назвать как итоговую цифру жертв красного и белого террора в 1 млн человек (примерно), чтобы снять разночтения в освещении этого вопроса в других источниках.

К теме Гражданской войны примыкает вопрос о сущности и значении **политики «военного коммунизма»**. Нацеленная на то, чтобы «железной рукой загнать человечество к счастью», направленная на «прорыв в светлое будущее» при помощи беспрецедентного насилия, данная политика не только не обеспечила этого прорыва, но, наоборот, привела к «провалу в прошлое» — к фактическому возвращению в доиндустриальную деспотию, голоду, падению нравов, бесправию, по сути, всех граждан.

Отражая историю разработки и реализации **новой экономической политики**, следует отметить, что в данном

случае В.И. Ленин вслед за Л. Бланом и П.-Ж. Пруденом шел по пути создания **рыночной модели социализма**. Но, в отличие от социалистов XIX в., он не ограничился лишь теоретическими конструкциями. Это был очевидный отход от доктрины большевизма, что повлекло за собой нараставшее недовольство в самой политической элите, в рядах «правовверных» большевиков.

Следует, видимо, в какой-то мере проиллюстрировать тезис о том, что для большевиков это была не просто *вынужденная*, но и *временная* мера, способная гарантировать выход из острого политического и социально-экономического кризиса конца 1920 — начала 1921 г. По сути, это был вопрос сохранения власти.

В то же время по мере реализации нэпа была предпринята попытка создания «бюрократического рынка», где государство играло первостепенную роль в определении не только направлений экономической политики, но и ценообразования, обеспечения сырьем и т. п. В связи с этим целесообразно подчеркнуть, что это был опыт создания **первой в мире модели регулируемой государством рыночной системы**. Данный опыт оказался востребован в западных странах уже через несколько лет, в период экономического кризиса 1929—1933 гг. Однако именно из-за того, что это был первый опыт подобного рода, он был и несовершенен.

Важно отметить также, что обязательным условием для проведения рыночных реформ при сохранении централизованного устройства должен быть жесткий контроль верховной власти над госаппаратом, служилым классом, т. е. либерализация «внизу» и твердая рука «наверху». Это стало едва ли не более значимым фактом и уроком нэпа, чем опыт развития рыночных отношений. Именно игнорирование этого в годы перестройки привело к обвалу не только экономики, но и политических структур.

Главная задача нэпа состояла в том, чтобы обеспечить быстрый индустриальный рывок советской экономики, построение основ индустриального общества. Однако решить данную задачу не удалось. История нэпа — это история кратковременных успехов и затяжных кризисов новой экономической модели. С помощью нэпа так и не удалось наладить бесперебойное снабжение хлебом и сырьем городов, армии, промышленности России. Экономические рычаги не работали. Индустриализация требовала во много раз больших ежегодных капиталовложений, чем мог дать нэп. Это и определило главным образом его судьбу. Нэп не «сломали», а он «сломался» под тяжестью стоявших перед ним задач. Следует также показать влияние депрессии и мирового кризиса на нэп.

В этой связи **сплошная коллективизация** стала лишь иным, альтернативным способом решения задачи получения средств для индустриализации, которую не смог решить нэп. Да, она была ломкой сельской жизни. Но иного варианта (в том числе и нэповского) решения стоявших задач просто не существовало. Следует упомянуть размах крестьянских волнений в 1930 г. — свыше 1300 восстаний с числом участников более 2,5 млн человек. Во многом в результате этих волнений и начавшейся борьбы с «перегибами» к лету 1930 г. число оставшихся в колхозах крестьян (после насильно записанных зимой—весной) составило 23,6% (в марте — 56%).

Следует особо отметить тезис о том, что **организованного голода** на селе в СССР не было. Тем более он не был «спровоцирован» властью в отношении тех или иных народов или социальных групп. Голод был связан как с погодными условиями, так и с незавершенностью процессов коллективизации (колхозы еще не могли обеспечить необходимый уровень производства товарного хлеба, в то время как кулачество было «ликвидировано как класс» и в производственной деятельности уже не участвовало). По уточненным данным, число *погибших от голода* достигло на Украине не 10 млн человек, как об этом пишут сегодня украинские историки, а не более 1—2 млн человек, в то время как по всей территории СССР погибло 2—3 млн человек.

Главный акцент в теме **индустриализации в СССР** должен быть сделан на *объективном* характере этой задачи, а также на уровне индустриализации, достигнутом на момент революции 1917 г. Суть первых пятилеток состояла не столько в превращении аграрной России в мощную индустриально-аграрную державу, сколько в создании *единого военно-промышленного комплекса*, без которого была бы невозможна гарантия суверенитета страны.

Можно также отметить, что ряд других стран мира в эти и последующие годы решали задачи индустриализации с меньшими издержками и потерями, но в несравненно более растянутые сроки. Для СССР 1930-х гг. это было категорически неприемлемо. В то же время следовало бы показать, что индустриализация проходила не менее тяжело и для стран с преобладающим рыночным типом хозяйствования. Особенностью СССР, в отличие от них, было то, что здесь между государством и населением не было социальной «подушки» в виде класса собственников, а государство само непосредственно руководило процессом и, следовательно, было вынуждено всецело принимать ответный удар и ответственность на себя. В этом видится обратная сторона эффективных централизованных сис-

тем, когда государственный аппарат принимает на себя функции непосредственного эксплуататора. Такое положение всегда чревато не только большими рисками, но и значительными человеческими потерями.

Тема **Большого террора** представляется самой острой во всем пособии. Любая попытка что-либо объяснить в этом явлении воспринимается порой определенной частью российского общества как попытка оправдания репрессий.

Тем не менее важно показать две составляющие данной темы. *Первая* составляющая относится к числу объективных факторов. Сопrotивление курсу И.В. Сталина на форсированную модернизацию и опасения лидера страны утратить контроль над ситуацией были главной причиной Большого террора. Являясь единственной партией, ВКП(б) была и единственным каналом «обратной связи» для власти. В итоге под влиянием нараставших оппозиционных настроений в обществе она становилась питательной средой для формирования различных идейных и политических групп и течений, утрачивала свою монолитность. Это не только грозило Сталину утратой позиций в руководстве и даже физическим устранением, но и создавало угрозу общей политической дестабилизации. Активность эмигрантских группировок усиливала эти опасения. Опыт использования внешними силами «пятой колонны» в других странах (Испания — самый яркий пример) внимательно изучался руководством СССР. К тому же Сталин не без основания мог считать тех, кто начинал военную карьеру в Гражданскую войну, «выкорышками» Л.Д. Троцкого. Перед грядущей войной между компетентностью и преданностью Сталин выбрал преданность командования армией и в целом бюрократии.

18

Вполне реальными были негативные настроения в армейском руководстве, которые не могли быть сброшены со счетов. Это было особенно важно с учетом опасения совершения терактов против руководителей страны. Убийство С.М. Кирова в этой связи стало катализатором уже назревших процессов. Популярными в среде партийной бюрократии были идеи «правых» (Н.И. Бухарин и др.), с которыми нужно было вести не только идейную, но и политическую борьбу. Сталин не знал, от кого именно можно ожидать удара, поэтому с его стороны последовал удар по всем известным оппозиционным группам и течениям, а также по тем, кто не был его безусловным единомышленником и союзником.

Вторая же составляющая лежит в сфере субъективных причин Большого террора. Она связана, с одной стороны, с доктринальными особенностями большевистской идеологии и практики, а с другой — с личностью самого

И.В. Сталина. Не последнюю роль в раскручивании маховика массового террора летом 1937 г. сыграли планировавшиеся выборы в Верховный Совет СССР, которые впервые проходили в соответствии с новой Конституцией СССР 1936 г., снявшей ограничения на участие в выборах для ряда категорий граждан. Опасения Сталина и местных руководителей во многом были связаны с реальной угрозой утраты их монопольного положения в системе власти в результате таких выборов.

Таким образом, важно показать, что И.В. Сталин действовал в конкретно-исторической ситуации, действовал (как управленец) вполне рационально — как охранитель системы, как последовательный сторонник преобразования страны в индустриальное общество, управляемое из единого центра, как лидер страны, которой в самом ближайшем будущем угрожает большая война.

Большой террор прекратился сразу, как только И.В. Сталину стало ясно, что монолитная модель общества реализована, а угрозы власти не существует. Это произошло к лету 1938 г.

Но весьма скоро Большой террор приобрел уже совершенно иное свое качество и предназначение. С приходом к руководству НКВД Л.П. Берия, пусть и не в прежних масштабах, террор был поставлен на службу задачам индустриального развития: по разнарядкам НКВД проводились плановые аресты инженеров и специалистов, необходимых для решения оборонных и иных задач на Дальнем Востоке, в Сибири. Террор превращался в прагматичный инструмент решения народно-хозяйственных задач. Оправдания этому, конечно, нет, хотя репрессии выполняли функцию устрашения для тех, кто нерадиво работал.

Очень сложно оценить масштаб репрессий в годы Большого террора. Прежде всего следует четко определить, кого мы имеем в виду, говоря о репрессированных. Думается, было бы правильно, если бы за основу были взяты цифры, включавшие лишь тех, кто был расстрелян и получил срок заключения по политическим мотивам. Такой подход позволит уйти от спекуляции на этой теме, когда к числу жертв репрессий относят (причем не по одному разу) и тех, кто лишился работы по политическим мотивам, был исключен из комсомола и партии и т.п.

Весьма важной представляется постановка вопроса о том, **какое общество и государство было построено в 1930-е гг.** Возможен прямой и обычный для учебной литературы ответ: была создана **мобилизационная политическая система**, без которой в короткий срок невозможно было решение задач индустриального рывка. Однако для

учащихся 11 класса можно расширить понимание этой стороны нашей истории. Советское общество, созданное к середине или концу 1930-х гг., было в равной степени далеко и от классического капитализма того времени, и от теоретических моделей социализма. Это была особая некапиталистическая модель развития, державшаяся на трех основах: индустриализме, государственном управлении экономикой, социальном государстве. Таким образом, это был своеобразный вариант индустриального общества.

Раскрывая новую **социальную структуру советского общества** 1930-х гг., следует дать оценку популярным сегодня идеям «термидора», или «самотермидоризации», большевистского режима. Особую симпатию у многих в последние 20 лет вызывают идеи Л.Д. Троцкого о демократии, за которую он якобы выступал. «Альтернатива Троцкого» представляла собой не более чем одну из модификаций все той же системы. «Демократия» для коммунистов, за которую ратовал Троцкий, была не более чем демократией для управляющих, а не для всех граждан страны. Партийно-государственная номенклатура возникла не при И.В. Сталине, а в первые же месяцы и годы большевистского порядка.

Внешняя политика Советской России и СССР — особая и очень тонкая тема в данной книге. С одной стороны, поиски большевиками сразу после взятия власти контактов с Германией во многом отражали ту объективную тягу к сближению, которую проигнорировали царские власти накануне Первой мировой войны и которая так дорого обошлась России. Позже большевики, опираясь на эту объективную основу, пошли на соглашение с Германией в Рапалло, обеспечив самое тесное и взаимовыгодное сотрудничество с этой страной в течение последующих 10 лет. Это сотрудничество стало для Советской России подлинным новым «окном в Европу». С его помощью решались многие народно-хозяйственные, военные и политические задачи (для Германии это было также выгодно негласным нарушением статей Версальского мира).

Уход в 1930 г. с поста наркома иностранных дел Г.В. Чичерина означал и смену вектора внешней политики. В условиях нараставшей угрозы прихода к власти в Германии фашистов, а затем и новой мировой войны новый наркоминдел М.М. Литвинов взял курс на создание системы коллективной безопасности в Европе с опорой на «западные демократии». Это была, по сути, во многом ретанимация отношений времен Антанты (впрочем, без четких обязательств сторон). Но эта модель возродилась со всеми своими родовыми изъянами — никто на Западе не собирался принимать СССР (как прежде Россию) за рав-

ноправного партнера и союзника. Такие отношения могли существовать только до первой их проверки на прочность.

Рубежом стал Мюнхенский сговор 1938 г., когда стало ясно, что западные партнеры СССР по переговорам о коллективной безопасности в Европе способны не только давить на союзные страны, предавать их интересы в угоду агрессору. Это обстоятельство заставило И.В. Сталина пересмотреть отношения с Англией и Францией и начать постепенное сближение с Германией, в котором он видел продолжение курса, начатого до революции и продолженного в 1922 г.

Ни И.В. Сталин, ни А. Гитлер не считали начавшееся сближение стратегическим и долгосрочным. Наряду с общими политическими интересами их объединяло неприятие «западных демократий».

Тема СССР накануне войны также является весьма важной и полной различных важнейших нюансов и оценок.

Оценивая заключение пакта о ненападении с Германией, следует подчеркнуть, что альтернативой ему мог стать аналогичный пакт Германии с Великобританией, означавший, по сути, объединение стран Запада против СССР. Тезис критиков советско-германского пакта, осуждающих «безнравственность» решения в нем судеб стран и народов, упомянутых в секретных приложениях, весьма легко опровергается примерами такого же манипулирования судьбами малых стран и народов «демократическими» Англией и Францией наряду с той же Германией (это и Мюнхенский сговор, и многое другое). Здесь следовало бы подчеркнуть, что значение документа состоит в другом — СССР стал наряду с другими великими европейскими державами участвовать в решении судеб Европы.

Относительно Польского похода Красной Армии в сентябре 1939 г. следовало бы подчеркнуть, что речь шла о реальном освобождении тех территорий, которые были силой захвачены Польшей и отошли к ней по Рижскому мирному договору 1921 г., т.е. не о чем ином, как об освобождении части Отечества. При этом важно напомнить историю вопроса. Накануне Второй мировой войны в Европе, пожалуй, не было другого государства, так открыто враждебно относящегося к СССР, как Польша. Польские лидеры заявляли, что не видят Советы в европейской политике. Польша сама принимала активное участие в разделе чехословацкой территории в 1938 г., а руководители страны говорили о братстве немецкого и польского оружия в этой связи.

Кстати, следовало бы включить и еще один важный аргумент: Англия и Франция в то время не считали, что СССР своими действиями в Польше вступил в их войну с Германией на стороне последней.

В отношении «претензий» СССР на территории Финляндии, Прибалтики, Бессарабии следует иметь в виду, что, с одной стороны, речь шла о территориях, ранее входивших в состав нашего государства; с другой — Сталин создавал в последний момент «пояс безопасности» у западных границ нашей страны (не в последнюю очередь опасаясь, что СССР может оказаться в «клетках» с юга и севера в случае войны с Германией).

Тема **Советско-финляндской войны** требует особого рассмотрения. В частности, следовало бы показать, что одной из причин первоначальных неудач Красной Армии было то, что финны использовали преимущественно партизанские методы войны в борьбе против регулярной армии СССР. Важно подчеркнуть, что СССР выиграл войну с Финляндией, получив все то, к чему стремился до ее начала. Вместе с тем, используя в качестве повода Советско-финляндскую войну, Англия и Франция в последний раз попытались спланировать и осуществить широко-масштабную военную операцию против СССР сразу в нескольких направлениях, подталкивая тем самым и Германию к нарушению пакта с СССР. Смысл этих действий ясен, если учесть готовившееся продвижение Германии через Турцию, Ирак, Персию в Индию.

Одна из главных тем курса — **Великая Отечественная война**.

В числе первых здесь стоит вопрос о *предпосылках и виновниках развязывания войны*. С учетом новейших достижений отечественной и зарубежной историографии следует показать, что виновником развязывания войны стала Германия вместе с союзными ей странами. Вместе с тем следует вновь подчеркнуть двойственную роль Англии и Франции в конце 1930-х гг., что в немалой степени способствовало усилению агрессора, увеличению его военно-технических возможностей.

В вопросе о *характере войны* также ничего не изменилось и не может измениться. Это была война советского народа за свободу и независимость своей страны, одна из самых героических страниц отечественной истории.

В числе новых для учебной литературы вопросов встает проблема возможного *превентивного удара СССР по Германии* летом 1941 г. Не вдаваясь в излишние детали и подробности, стоит, вероятно, подчеркнуть, что И.В. Сталин не исключал превентивного удара, но при этом полагал, что до этого следует дождаться сосредото-

чения войск противника для агрессии. Тогда это выглядело бы как мера самообороны. Однако летом 1941 г. возможностей для таких действий у Сталина не было.

Предметом особого внимания должно стать объяснение *причин временных неудач Красной Армии* в начале войны. Следует указать на незаслуженно забытые в учебниках истории последних лет объективные причины этих неудач. Однако с причинами субъективного толка следует также разобраться, используя метод объяснения мотивов действий политического и военного руководства страны.

С учетом фальсификаций последних лет (особенно в связи с празднованием 60-летия открытия второго фронта) следует на фактическом материале показать решающую *роль советско-германского фронта* во Второй мировой войне. Таблицы потерь на советско-германском фронте и других фронтах войны были бы прекрасной иллюстрацией к этому материалу. Целесообразно показать, почему в английской историографии битва под Эль-Аламейном рассматривается как важнейшее сражение войны. Англичан можно понять, если иметь в виду последствия прорыва немцев в Палестину и Ирак, формирование антианглийского пояса на Ближнем и Среднем Востоке и перспективу утраты Индии.

Освещая проблемы *ленд-лиза*, следует отметить, что он действительно сыграл крайне важную роль для нашей страны в конце 1941 — начале 1942 г., когда враг стоял у ворот Москвы, а перестройка экономики на военный лад и эвакуация промышленного потенциала из прифронтовых районов не были завершены. Однако здесь же целесообразно показать незначительный удельный вес помощи по ленд-лизу в общем объеме производства вооружений в СССР. Кроме того, нельзя не упомянуть, каким образом произошло прекращение поставок по ленд-лизу в мае 1945 г. и как американцы на этом этапе пытались превратить ленд-лиз в инструмент политического давления на СССР в польском вопросе. Это в значительной степени девальвирует саму идею такой помощи.

Говоря о *вкладе СССР в победу над Японией*, следовало бы с помощью традиционной сюжетной линии ответить на вопрос: можно ли считать войну с Японией частью Великой Отечественной войны, если иметь в виду, что война ставила своей целью разгром союзника Германии и возвращение утраченной части Отечества.

Необходимо коснуться фактов, показывающих *суть оккупационного режима*, установленного фашистами на захваченных территориях СССР. Следует обозначить также проблему *коллорабационизма*, показав принципиальные черты сходства и различия этого явления в СССР

и других покоренных А. Гитлером странах Европы, а также причины его появления в советском обществе военной поры.

Более общая проблема взаимоотношений во время войны между *властью и обществом* заслуживает правильной расстановки акцентов. Центральное направление в ней — это показ роли государства в объединении всех сил, средств, ресурсов в борьбе с врагом. В то же время нельзя забывать о том, что война высвободила огромный творческий и духовный потенциал советских людей, дав им возможность проявить свой талант и лучшие человеческие качества на поле боя и в тылу.

Тема *репрессий военной поры* может быть показана не только как продолжение политической линии довоенного времени, но и как необходимое средство борьбы с мародерством и паникерством, средство укрепления трудовой и исполнительской дисциплины. При этом важно подчеркнуть, что суровые законы военного времени действовали во всех воюющих странах с равной степенью жесткости. Вместе с тем с учетом политической заостренности *катынского вопроса*, не оправдывая убийства польских военнопленных, следовало бы отметить, что со стороны И.В. Сталина расстрелы в Катыни — это был не просто вопрос политической целесообразности, но и ответ за гибель многих десятков тысяч красноармейцев в польском плену после войны 1920 г., инициатором которой была не Советская Россия, а Польша. Следует аргументированно показать, что в расследовании катынской трагедии немало неизученных и непроясненных вопросов. В любом случае речь идет не об акте геноцида, как это часто пытаются утверждать.

Особой осторожности и сдержанности требует изучение в рамках учебного курса вопроса о *депортации народов* Кавказа и других народов в годы войны. При этом также следует иметь в виду, что подобные эксцессы происходили в тот период и в других странах (например, изоляция в США всех жителей японского происхождения).

Важной частью раздела должен стать показ сущности и специфики *советской экономической модели*. Целесообразно было бы сравнить ее с экономикой других воюющих стран, чтобы показать общее и особенное. Достигнув точки почти коллапса в начале войны, наша промышленность благодаря невероятной самоотверженности советских людей совершила чудо — при общем резком сокращении национального производства выросла численность и качество производимого оружия. Советские танки и самолеты обогнали немецкие и по *количеству*, и по *качеству*. И как это ни удивительно, в СССР была выше про-

изводительность труда. Можно провести сравнение с Первой мировой войной. «Обществом взаимного грабежа» называл журнал «Московский вестник» в декабре 1916 г. тогдашнюю экономику России. Советская же система сумела при утрате почти половины угодий накормить и армию, и тыл, а потом кормила еще и немецких детей.

Центральное место следует отвести вопросам *мужества и героизма советских людей*, отметив, что это не только феномен советского общества, но и любой воюющей страны, включая и стран-агрессоров. Но, в отличие от них, мужество и героизм в СССР носили массовый характер. Следует также решительно пресечь попытки героизации изменников Родины (А.А. Власова и др.).

На наш взгляд, говоря о *значении победы, ее итогах и цене*, следует сделать акцент не только на ее роли для последующего развития СССР, но и влияния на весь ход мировой истории.

Отдельная и важная составляющая изучаемой темы — история формирования и деятельности *антигитлеровской коалиции*. При этом важно показать причины недоверия между союзниками, противоречия и пределы взаимосвязей союзников. Во-первых, Сталин органически не доверял Западу, а Запад, в свою очередь, не доверял режиму, который считал искусственным и в устойчивости которого сомневался. Во-вторых, ведущие английские и американские эксперты в основной своей массе разделяли точку зрения немцев относительно того, что сопротивление России в 1941 г. будет недолгим. В-третьих (и это главное), препятствием были стратегические цели союзников по антигитлеровской коалиции. Они были различными у СССР и Великобритании и США. Запад хотел полностью использовать силы Красной Армии, а высадку союзнических войск в Западной Европе осуществить лишь на этапе коллапса либо СССР, либо Германии. Практически это было продолжением политики союзников России периода Первой мировой войны. В-четвертых, препятствием в формировании союза были многие культурные и прочие различия. Наконец, в-пятых, самым большим препятствием на пути создания союза России с Западом была неравномерность их военных усилий. По мере того как Красная Армия в жестоких боях сдвигала линию фронта на запад, Советский Союз становился одной из двух величайших мировых сил.

В связи с этим следует рассматривать и проблему *второго фронта*. Масштабная Нормандская десантная операция была одним из крупнейших событий Второй мировой войны. Но на завершающем этапе войны второй фронт не являлся решающим.

В заключительной части учебного материала возможно вновь поставить вопросы о *значении и цене Победы*.

* * *

Авторы данной концепции и книги для учителя открыты для общения с учителями и будут признательны за пожелания, относящиеся к совершенствованию предлагаемого материала.

Мы желаем вам, уважаемые коллеги, успехов в обучении и воспитании выпускников школ. Перед вами стоит сложная задача научить их любить Родину, понимать ее прошлое и думать о будущем России.

Между реформой и революцией. Россия в 1894—1914 гг.

1. Россия в мировой экономике и политике начала XX в.

Территория и население России

В XX в. Россия вступала в зените своего территориального могущества. К этому времени страна, казалось, достигла пределов в своем географическом росте. Протяженность империи с юга на север составляла 4675,9 км, а с запада на восток — 10732,3 км. Длина ее границ была равна почти двум экваторам и составляла почти 70 тыс. км. Россия была самой крупной державой мира. Это была еще и величайшая евразийская империя. Хотя в международной политике она считалась страной европейской, две трети ее пространства не просто располагалось в Азии, но и определяло многое в ее положении и формировании внутренней и внешней политики. Но если большая часть территории России относилась к Азии, то основная часть населения страны (82%) жила в ее европейской части.

В административном отношении Россия объединяла 78 губерний, 21 область и 2 самостоятельных округа.

Население страны к концу XIX в. составляло около 125,7 млн человек. Однако из этой огромной массы населения лишь 13,4% жили в городах. Основная же часть населения жила в патриархальной российской деревне. Низкой была и плотность населения. На одну квадратную версту по стране приходилось лишь 6,7 человека (в европейской части 22), в то время как во Франции — 71, в Германии — 126, в Англии — 186.

В пореформенные годы значительно выросла рождаемость. Всего за 40 лет (1858—1897) население страны увеличилось с 68 до 116 млн человек, а за следующие неполные 20 лет (1895—1914) еще почти на 50 млн человек. Эти показатели были впервые в истории страны достигнуты не за счет расширения территории империи, а благодаря высокой рождаемости (она составляла 48 человек на

1 тыс. населения в год). В итоге Россия вступала в XX в. одной из самых молодых по составу населения мировых держав. Половина жителей страны имели возраст до 20 лет. И это тоже было в подавляющей своей массе крестьянское население. К активной трудовой и общественной деятельности приступили новые поколения людей, не только не имеющие большого жизненного опыта, но и не связанные с традициями предшествующих поколений. Они были способны безболезненно отказаться от тех ценностей, которые веками считались основополагающими для россиян. Омоложение населения вело и к усилению протестных настроений в обществе.

Падение крепостного права, индустриальный рывок последней четверти XIX в. обусловили быстрый рост городов и городского населения. Его удельный вес в общей массе населения страны увеличился с 9,2 (1858) до 14,3% (1914). Число городов выросло со 100 в начале XIX в. до почти 500 в конце столетия. Кроме них, возникли и стремительно развивались поселки городского типа, население которых составляло порой десятки тысяч человек. С начала XX в. и до Первой мировой войны городское население страны увеличилось на 10 млн человек.

В это время появились и города-миллионеры: Санкт-Петербург (2,3 млн человек) и Москва (1,6 млн человек). Лишь в первое десятилетие XX в. в Москву из сельской местности прибыло 700 тыс. человек, а Петербург пополнился 1 млн выходцев из деревни. Аналогичные явления, хотя и в меньшей степени, имели место и в других крупных городах России.

Вместе с тем расселение населения было по-прежнему неравномерным. Неурожай и голод начала 1890-х гг. вызвали потребность в государственном регулировании перемещения населения, так как плотность населения в северных и восточных районах страны была по-прежнему крайне низкой. В результате принятых мер стремительными темпами выросло население Новороссии, Северного Кавказа, отчасти Сибири, Бессарабии, где прирост населения в пореформенные годы составил от 250 до 700%. В результате население Европейской России сократилось с 84 до 74%, в то время как жители Новороссии составляли теперь не 5,3, а 8,1%, Сибири не 5, а 7%, в Средней Азии население возросло с 4,2 до 6%.

Россия была многонациональной страной, в которой жили люди около 140 национальностей. В большинстве своем это были славяне — русские, украинцы, белорусы, поляки, насчитывавшие почти 92 млн человек. Удельный вес русских жителей страны составлял в начале XX в. 48%. В Европейской России наиболее многочисленными

после славян были народы тюркской группы — татары, башкиры и чувашаи.

Россия была одной из крупнейших христианских держав — 80% ее населения составляли представители разных ветвей христианства. Но ведущее место традиционно занимали православные — 70,8% населения страны. Лишь 8,7% россиян считали себя мусульманами.

Почти две трети населения страны составляло работоспособное население в возрасте от 14 до 60 лет. Это создавало значительные возможности для экономического процветания России.

Экономика России

Россия к концу XIX — началу XX в. входила в пятерку индустриальных держав мира. Однако она переживала переходный период. Главной задачей для страны было завершение индустриальной модернизации. Это был длительный исторический процесс, и многое в его течении зависело от темпов индустриального развития. Эти темпы в России были необычайно высокими. В пореформенной России (1861—1913) ежегодный прирост промышленной продукции составлял 5%, а в 90-е гг. XIX в. — 8%! По этому показателю наша страна не имела равных среди развитых держав. Если государственные доходы в 1867 г. составляли 415 млн рублей, то через 30 лет — 1,4 млрд рублей. Для накопления второго миллиарда потребовалось уже 11 лет, а третьего лишь 5 лет (причем несмотря на то, что Россия тогда участвовала в Первой мировой войне).

Только в период между 1890 и 1913 гг. российская промышленность увеличила свою производительность в 4 раза. При этом доходы от ее развития практически сравнялись с поступлениями от традиционного земледелия.

С 1895 по 1914 г. добыча каменного угля выросла в 4,2 раза, нефти — в 1,65 раза, золота — в 1,4 раза, меди — в 4,7 раза, марганца — в 4,5 раза. Торговый флот России увеличил свой тоннаж в 1,6 раза. Золотой запас страны в эти годы вырос в 2,5 раза.

В 1880 — 1916 гг. в России было построено 58 251 км железных дорог (в среднем в год строилось 1575 км). А Транссибирская магистраль стала самой протяженной в мире.

Научные открытия быстрее, чем прежде, стали проникать в производство и повседневную жизнь городов. Разработка новых видов техники привела к быстрому насыщению повседневной жизни людей в разных странах, в том числе и в России, автомобилями, самолетами, дизель-

ными локомотивами, телефонами, радиоприемниками, фонографами, трамваями и т.п.

Все это свидетельствовало о том, что Россия в короткий исторический срок совершила гигантский рывок в своем индустриальном развитии.

В то же время Россия по-прежнему оставалась крупнейшим аграрным производителем. За 20 лет, предшествовавших Первой мировой войне, сбор хлеба в стране удвоился, производство сахара выросло в 3,5 раза, сбор хлопка — в 5 раз. В 1913 г. урожай зерновых в России был почти на 35% выше, чем в США, Аргентине и Канаде, вместе взятых. Наша страна производила до 80% мировой выработки льна. Россия оставалась главным экспортером продуктов питания в мире.

Глазами статистики

Национальный доход, население и доход на душу населения в великих державах в 1914 г.

Страна	Национальный доход (в млрд долларов)	Население (млн человек)	Доход на душу населения (в долларах)
США	37	98	377
Великобритания	11	45	244
Германия	12	65	184
Франция	6	39	153
Россия	7	171	41
Австро-Венгрия	3	52	57

Противоречия российской модернизации

Однако, несмотря на достигнутый высокий уровень, Россия по-прежнему отставала от развитых стран. И по ряду направлений это отставание не сокращалось, а росло.

Если в 1900—1913 гг. производство стали в России выросло с 2,2 до 4,8 млн т, то Германия по этому показателю совершила рывок с 5,3 до 17,6 млн т.

Если общий капитал российской промышленности составлял к 1917 г. 2 млрд долларов (без банков и железных дорог), то аналогичный показатель втрое меньшей по населению Великобритании был в 6 раз выше, а сопоставимым по этим размерам показателем капитала владела лишь одна американская корпорация «Юнайтед Стил».

Несмотря на бурный рост железнодорожного строительства, сооружение самой протяженной в мире Транссибирской магистрали, пропускная способность российских железных дорог была сопоставима с аналогичным показателем Канады, где проживало всего 8 млн человек.

Несопоставимо низкими оставались расходы России на социальные нужды, в первую очередь здравоохранение и образование. В результате смертность была самой высокой среди развитых стран, а по уровню образования Россия едва достигала показателя Англии середины XVIII в.

Большой проблемой для экономики страны была ее растущая зависимость от Запада. К началу Первой мировой войны 90% угольной промышленности, вся нефтедобыча, 40% металлургии, половина химической промышленности, почти треть текстильной промышленности контролировались иностранным капиталом. Это создавало реальную угрозу экономической безопасности России, а также и ее политической независимости от стран Запада. Россия постепенно превращалась в самого большого мирового должника. Иностранные инвесторы вкладывали капиталы в основном отнюдь не в наукоемкие производства, а в сырьевые отрасли хозяйства, стремясь обеспечить доступ к неисчерпаемым природным ресурсам России. В результате три четверти экспорта страны составляли сельскохозяйственная продукция и древесина.

Чтобы преодолеть отставание от развитых стран, Россия была вынуждена стимулировать промышленное производство. Следующим шагом на пути экономических преобразований должно было стать проведение новой аграрной реформы, направленной на ликвидацию феодальных пережитков, а также расширение экономических и политических прав буржуазии.

Политическая система России

Высшая законодательная и исполнительная власть в стране, как и прежде, принадлежала императору. Он оставался ключевым звеном политической системы. От личности царя во многом зависело, в каком направлении пойдет политическое развитие России, каким будет ее курс внутренней и внешней политики. После смерти Александра III (1894) новым императором стал его старший сын Николай II, которому исполнилось к тому времени 26 лет. Перед смертью Александр III дал ему своего рода политический наказ: слушать всех, но принимать решение самому; беречь и охранять самодержавный способ правления, который является главным гарантом порядка и стабильности в стране. Николай разделял эти

взгляды. Поэтому главный конфликт между царем и общественностью состоял именно в том, что жизнь требовала реформ и модернизации высшей власти, а царь стремился сохранить все в неизменном виде.

Общественность же, наоборот, всегда связывала смену царствующих особ с надеждами на реформирование верховной власти. В адрес Николая II поступали многочисленные послания от либеральной общественности с предложениями о продолжении реформ.

Императору было подотчетно правительство, состоявшее из 11 министерств. Однако Комитет министров не являлся коллективным органом. Министры практически никогда не собирались вместе. Каждый из них лично докладывал царю о проблемах своего ведомства. Поэтому правительство рассматривалось не как орган власти, а как «форма коллективного доклада» царю.

Комитет министров руководствовался в своей деятельности Учреждением, принятым еще Александром I накануне Отечественной войны 1812 г. В его ведении были текущие вопросы министерского управления, которые не относились к работе лишь одного министерства, а также надзор за государственным аппаратом и назначение государственных чиновников.

Роль Комитета усилилась в 80-е — начале 90-х гг., когда он превратился в инструмент борьбы с Государственным советом, состоявшим в основном из назначенных еще Александром II сторонников реформ. Министры получили право готовить законопроекты, которые докладывались царю, минуя Государственный совет.

«Великие реформы» 60—70-х гг. XIX в. заметно обновили систему местного управления. Реальная власть по-прежнему принадлежала губернаторам, назначаемым царем. При них создавались и учреждения, ведавшие всеми основными вопросами местного управления, — присутствия по крестьянским, земским, городским, фабричным делам.

Реформы привели к созданию относительно независимых от власти местных учреждений — земств и органов городского самоуправления, избираемых населением. Они обладали правом решения многих социальных вопросов, проблем городского и земского хозяйства. Сформировалась и система относительно независимых от власти судов.

В 80-е—начале 90-х гг. губернаторы получили возможность влиять на местные судебные органы — они могли просматривать списки лиц, имеющих право быть избранными в мировые судьи и предлагаемых в состав присяжных.